

В настоящей статье, основанной на сведениях, почерпнутых из путевых заметок английских путешественников середины XIX века, не публиковавшихся целиком в русском переводе, воссоздана биография владельца первой гостиницы Томска – английского подданного Кроули (Crawley). В тексте статьи содержатся отрывки из книг английских путешественников в переводе автора.

Гостиница, худая или добрая, столь привычна нынешней странствующей публике, что и вообразить затруднительно дикие и непросвещённые времена, когда днём с огнём отыскать её было невозможно. А между тем гостиница в нынешнем нашем её понимании – явление на русской почве относительно недавнее, состоящее в дальнем родстве с постояльями дворами и почтовыми станциями.

«Австерии» и «герберги» новорождённого Санкт-Петербурга, что давали в «варварской России» привычный стол и приличный кров деятельному племени европейских авантюристов, ко времени «просвещённого» царствования Екатерины II несколько обрусели и стали именоваться «трактирами». Впрочем, выстроены сии герберги-трактиры были в стройный немецкий ранжир, трактующий, кому из них торговать шоколадом, кому – бильярд содержать, кому – английское полпиво подавать. Как и в петровские времена, при «матушке-императрице» живали да столовались в сих трактирах иностранцы...

К первой четверти XIX века в столицах российских публику было уже не удивить трактирами на европейский манер. Самые пристойные из них даже осмелились именоваться «заграничной титлой» «hotel». Содержателями подобных заведений искони бывали подданные всевозможных европейских монархов, главным образом немецких, как правило, имевшие уже некоторый опыт «гостиничного дела», вывезенный из родных краёв.

Иначе обстояло дело в далёкой провинции: там река времени текла размеренно и неспешно, петляя и возвращаясь на круги своя. Гостиницы-трактиры на европейский лад в полудиком, необжитом Крыму или скрытой, себе на уме, Сибири появляться стали тогда, когда петербургские их собратья отпраздновали уже столетие.

И что за трактирщики брались в провинции за деликатное гостиничное дело! На место благообразного бюргера, аккуратно посещающего кирху и благонравно помышляющего на досуге о колбасе и фисгармонии, явились

в содержатели гостиниц вчерашние актёры, циркачи, певцы! Казалось бы, невероятная карьера... Современников, впрочем, она не удивляла: понабравшись в странствиях по белу свету житейской мудрости и многоопытности в делах, сколотив к зрелым годам какой-никакой капиталец и, главное, ловко изъясняясь на нескольких языках, служители муз бестрепетно сходили с подмостков и арен, дабы водвориться за гостиничную конторку и с достоинством встретить старость.

Известно, что в Ялте содержателем первой и долгое время единственной гостиницы «Citta di Odessa» был потерявший голос итальянский тенор, сделавший карьеру в Одесской опере. В Екатеринбурге один из первых «тракторов с бильярдом» содержал его соотечественник и коллега, много лет блиставший на театральных подмостках знаменитой Ирбитской ярмарки.

Но одним из самых необычных «отельеров» российской глубинки второй трети – середины XIX века был, пожалуй, основатель первой европеизированной гостиницы Томска – англичанин Кроули. Да, да, это тот самый «сердобольный гостинщик», что приютил на первое время неприкаянного декабриста Гавриила Батенькова, когда тот в 1846 году явился «нищ и гол» на сибирское поселение после 19-летнего заключения в Петропавловской крепости.

Лилипут-альбинос, с «длинными, как у женщины, молочно-белыми, гладкими, как шёлк, волосами, что носит он завязанными в низкий хвост»¹, со светло-розовыми глазами «чуть светлее, чем у хорька»², Кроули был отставным циркачом, женатым на «ав-

стрийке-великанше»³. Жёнушка его, вместе с ним покинувшая бродячую цирковую труппу на пути из Петербурга в Китай, «немало помогала мужу в гостиничном деле в качестве отменной поварахи»⁴.

Особую пикантность необыкновенной паре придавал тот факт, что британец Кроули собственно англичанином был лишь наполовину: отца его, эфиопа-альбиноса, вывез в ранней юности из Африки и воспитал в туманном Альбионе один из вездесущих английских путешественников. Подросший африканец в лондонском Холборне женился на англичанке, подарившей ему пятерых детей – двух дочерей, унаследовавших тон кожи своей матери, и трёх сыновей-альбиносов. Предприимчивые родители с успехом представляли необычных отпрысков любопытствующей публике Лондона и его окрестностей, а затем, утвердившись в неугасающем интересе ротозеев к «чуду природы», вывезли своих «золотоносных» чад в «тур по Европе, Греции, Турции и, наконец, на гастроли в Китай».⁵

На полпути к Китаю герой наш, рассудив, что скопленных им средств вполне достаточно для начала какого-нибудь прибыльного дельца, решил с новоявленной супругой своей обосноваться в Томске и открыть здесь первый и единственный в городе «трактир с бильярдом», вскоре превратившийся в гостиницу «Лондон». Ради удобства ведения дел мистер Кроули даже сменил британское подданство на российское, превратившись отныне в господина Краулея.

Дела новоявленного предпринимателя шли недурно. Соотечественник

нашего «гостинщика» Чарльз Герберт Коттрелл, путешествовавший по Сибири в 1840–41 годах, сообщал: «Имевшийся у него капитал он вложил в недвижимость Томска, и, по его словам, дела его идут хорошо. Впрочем, если бы его клиенты, коих случается ему обслуживать в кредит, не имели обыкновения игнорировать свои долги, дела его и вовсе шли бы превосходно. Он живёт в городе уже три года, и об успехе его дел судить можно по тому, что прошлой зимой купил он новый, довольно дорогой дом».⁶

К неподдельному изумлению томичей и проезжающей публики, господин Краулей бегло и правильно изъяснялся на 6 языках. Да и в целом славился он в городе начитанностью, разносторонней учёностью и незлоби-

вым, сострадательным нравом. Останавливавшийся в гостинице «Лондон» в 1847 году английский путешественник вокруг света Самюэль Смит Хилл писал: «Бывший англичанин ныне известен в городе просто как «Альбинос». Он блещет в разнообразных городских советах, и весьма почитаем местными жителями за образованность и владение многими языками <...> Мне было приятно обнаружить, что моего приметного земляка здесь, в глубине Сибири, любят и уважают как за его способности, так и за добрый нрав. В глубине души, как я с радостью отметил, он остаётся истинным англичанином, хоть и сменил ради облегчения ведения дел подданство на российское».⁷

¹ Cottrell C. G. *Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841*. – London: John W. Parker, 1842. – 410 p. – P. 239.

² *Ibidem*.

³ Simpson G. *An Overland Journey Round the World During the Years 1841 and 1842*. – Philadelphia: Lea and Blanchard, 1847. – 230 p. – P. 192 – 193.

⁴ Atkinson L. *Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants*. – London: John Murray, 1863. – 351 p. – P. 34.

⁵ Cottrell C. G. *Recollections of Siberia in the Years 1840 and 1841*. – P. 238.

⁶ *Ibidem*. – P. 239.

⁷ Hill S. S. *Travels in Siberia*. In 2 vol. Vol. 1. – London: Longman, Brown, Green and Longmans, 1854. – 432 p. – P. 263.